

ринским II могильником, что позволяет проследить развитие местной культуры от V до XIV в. и определить особенности зюздинского варианта культуры коми. Материалы Агафоновского II могильника не только обрисовывают характернейшие черты верхнекамского варианта родановской культуры, но и дают возможность разработать хронологию верхнекамских могильников IX—XIII вв. Один из выразительнейших памятников — жертвенное место Чумайтло, исследованное почти полностью. Его материалы позволяют судить об особенностях святилищ финно-угорских народов Прикамья начала I тысячелетия н. э., о характерных чертах материальной культуры, о слагающих ее компонентах и, наконец, о характере болгарского влияния на финно-угорское население Южной Удмуртии.

М. Ф. КОСАРЕВ

**Итоги работ Западно-Сибирской экспедиции
Института археологии АН СССР
за 1970—1976 гг.**

Работы велись несколькими отрядами и группами, которыми руководили М. Ф. Косарев (начальник экспедиции), В. Ф. Старков, Т. М. Потемкина, А. В. Куйбышев и др. Разведки и раскопки осуществлялись в Тюменской, Омской, Томской, Новосибирской областях и Красноярском крае, т. е. захватили почти всю южную половину Западно-Сибирской равнины.

Работы концентрировались вокруг двух основных тем: неолит Западной Сибири и бронзовый век Западной Сибири. За отчетный период открыто более ста новых памятников каменного и бронзового веков; примерно треть из них была полностью или частично раскопана. Перед нами стояла задача создания монографических исследований, в которых был бы обобщен и систематизирован материал по этим двум эпохам, очерчены этнокультурные ареалы, намечены внутри них локальные культуры, выявлена общая историко-культурная стратиграфия неолита и бронзового веков, поставлены вопросы происхождения и этнической принадлежности выделенных культурных общностей, рассмотрены некоторые общие и локальные тенденции в развитии экономики, социальной организации и идеологии западносибирского населения в периоды неолита и бронзы.

Можно сказать, что эта задача в значительной мере выполнена, конечно, в соответствии с материалами и реальными исследовательскими возможностями. В 1974 г. вышла книга

М. Ф. Косарева «Древние культуры Томско-Нарымского Приобья»; подготовлены монографии «Лесное Зауралье в среднем и позднем каменном веке» (В. Ф. Старков) и «Бронзовый век Западной Сибири» (М. Ф. Косарев). Сейчас сотрудники Западно-Сибирской экспедиции работают над темами: неолит Зауралья и Западной Сибири и бронзовый век лесной полосы Западной Сибири для готовящегося к изданию многотомника «Археология СССР». Выполнению этих тем, помимо результатов наших собственных исследований, во многом способствовали направление научных поисков, на которое ориентировал нас В. Н. Чернецов, а также успехи западносибирской археологии, достигнутые в результате многолетних работ экспедиций Томского и Уральского университетов, Новосибирского и Петропавловского пединститутов.

Одним из итогов наших исследований явился пересмотр мнения о существовании на Урале и в Западной Сибири в эпоху неолита и бронзы единой западносибирской культурной общности. Стало очевидным, что на поздних стадиях неолита (а по некоторым данным еще раньше) в Зауралье и Западной Сибири выделились три основные линии преемственности культурных традиций, фиксируемые прежде всего по специфике орнаментальных комплексов: гребенчатая, гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая,—соответствующие трем большим этнокультурным общностям, которые первоначально тяготели к разным частям Зауралья и Западной Сибири. На рубеже каменного и бронзового веков гребенчатый ареал распался на две культурные области: собственно гребенчатую, локализовавшуюся в основном в северных районах таежного Зауралья и андронидную на юге лесного и севере лесостепного Зауралья.

Выбирая методику, мы исходили из того, что к настоящему времени достигнута та степень археологической изученности Западной Сибири, когда частные темы и локальные проблемы не могут успешно разрабатываться без выявления широкого историко-культурного фона, без учета общих закономерностей культурного и социально-экономического развития Западной Сибири в изучаемые периоды. Поэтому характеристику отдельных культурных комплексов мы стремились подчинить попытке выявить широкие этнокультурные ареалы, объединяющие родственные культуры. Так, например, сузгунская культура в таежном Прииртышье долгое время ассоциировалась у нас с единственным исследованным памятником — Сузгун II, давшим почти исключительно керамику. Мы не имеем данных для определения ареала сузгунской культуры, не знаем погребального обряда сузгунского населения и ряда других ее черт. Будучи включена в круг родственных ей культур (черкаскульской, еловской), представленных сейчас десятками раскопанных памятников, сузгунская культура (если ее можно так называть) становится составной частью обширного андронидного культурного массива.

ва, получает определенное место в общей периодизации лесных андронидных памятников.

Касаясь хронологии, мы старались не сводить ее к бесконечным спорам по поводу абсолютной даты так называемых «датируемых» вещей и вероятной связи их с конкретными культурными комплексами. Дело в том, что даже сравнительно хорошо изученные турбинско-сейминские бронзовые изделия имеют три исключаящие друг друга, но равноправно существующие даты: О. Н. Бадера (XVI — XIV вв. до н. э.), В. А. Сафронова (XIII — XII вв. до н. э.) и Н. Л. Членовой (предтагарское время). Поэтому мы в первую очередь стремились синхронизировать западносибирские культуры в целом (и культурные общности) не с «датирующими» вещами, а с датированными культурами соседних районов, т. е. главное внимание обращали на выявление широких хронологических пластов, последовательность которых отражала общую историко-культурную стратиграфию Западной Сибири в исследуемые периоды.

Во всех случаях мы пытались подходить к рассматриваемым проблемам комплексно, привлекая, наряду с археологическими, данные экологии, этнографии и др. Значительное внимание уделено разработке вопросов палеогеографии, влиянию экологических условий на характер и направление развития первобытной экономики, зависимости формы хозяйства и уровня социальной организации, неравномерности исторического развития, причинам и социальным последствиям древних миграций и т. д. Этим проблемам посвящены ряд опубликованных нами статей, а также отдельные разделы и главы опубликованных или готовящихся монографических работ.

Дальнейшие задачи экспедиции в значительной мере вытекают из нынешней изученности Западной Сибири. Новые исследования, видимо, следует направить в первую очередь на изучение глубинных таежных районов, демонстрирующих наиболее «чистые» линии преемственности культурных традиций. Вместе с этим необходимо продолжить активные археологические работы на стыке культурных ареалов, особенно в Тюменском Притобье и Томско-Нарымском Приобье, материалы которых отражают наиболее существенные культурные, экономические и социальные события древности, охватившие Западную Сибирь в целом. Другой важной задачей является изучение переходных эпох — от неолита к бронзовому веку и от бронзового к железному. Эти узловые периоды совпадают с самыми крупными социально-экономическими открытиями и достижениями первобытной эпохи. Выявление конкретных исторических, экономических и экологических обстоятельств этих «скачков» внесло бы много нового в понимание содержания и динамики древних исторических процессов.

Видимо, одним из направлений дальнейшей работы должна стать разработка проблемы связей древних культур Западной

Сибири, Приуралья и Восточной Европы. К сожалению, материалы, свидетельствующие об этом, найдены преимущественно на приуральских памятниках. Дело в том, что в эпоху раннего металла и в бронзовом веке связи (во всяком случае в пределах таежной зоны) имели главным образом западное направление. Я имею в виду посуду аятского типа в гаринских комплексах Прикамья (эпоха раннего металла), активное распространение в Восточной Европе самусьско-сейминских бронз (развитой бронзовый век), внедрение в приуральские орнаменты многих элементов черкаскульского декоративного комплекса (эпоха поздней бронзы), широкое распространение в Прикамье керамики гамаюнско-каменогорского типа (переходное время от бронзового века к железному) и т. д. Разработка этой проблемы будет успешной лишь при тесном сотрудничестве приуральских и западносибирских археологов.

Среди общих, сквозных теоретических проблем наиболее важной и актуальной остается происхождение западносибирских народов. Следует продолжать выявление и изучение этапов преемственности культурных традиций до этнографической современности. Это позволит успешней использовать ретроспективный метод в исследовании этногенеза.

Приблизиться к решению этих задач можно, лишь объединив усилия всех западносибирских археологов, этнографов, антропологов, лингвистов, палеогеографов, экологов и других специалистов, способных обеспечить комплексный подход к этой сложной и многогранной проблематике.